

В ЭТИ дни, когда приближалась дата семидесятилетия Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, каждый из нас, советских музыкантов, вспоминал то одно, то другое его творение, снова вчитывался в нотные листы, включал магнитофон, слушал. Огромная жизнь в искусстве. Счастливое сочетание музыкального мышления гения и плодотворности. Сто сорок седьмым опусом помечено его последнее произведение — Соната для альта и фортепиано. 6 августа 1975 года он держал в руках эти ноты, корректировал их. Это были последние дни его жизни. 9 августа его не стало.

стога, юношески застенчивая лирика, и буйная бравада, и слезы первой утраты, и прилив молодых сил, мускулистого, пружинистого марша в атмосфере, насыщенной озоном, как сад после грозы. Через полгода после премьеры Первой симфонии в том же зале Ленинградской филармонии торжественным концертом отмечали IX годовщину Октября. А через год, к десятилетию, Шостакович сочиняет Симфоническое посвящение Октябрю — одночастную симфонию, в финале которой звучит хор на стихи А. Безыменского. Ценность и значимость Второй симфонии не в глубине, продуманности, а скорей в непосредственном творческом порыве, отклике

жизне в Четвертой симфонии, написанной в 1936 году. Она открывает собой целый этап творческой эволюции, центральное место в которой занимает тема «художник и время». Симфония, длающаяся более часа, — отклик на многие события, волнующие человечество в годы, когда день ото дня нарастают силы реакции и каждый день приближает мир к разрыванию цепи несправедливых войн. В Четвертой симфонии впервые так отчетливо выступает «тема зла», впервые звучит бездушная поступь марша, сметающего светлое, трепетное, что живет в человеческой душе. Эта тема — символ зловещей силы, еще не раз найдет разные обличья в

грозит мрачная, жестокая сила. Но уже в побочной теме первой части, в философской лирике третьей части заложена такая могучая сила неодолимости Человека, что эта пронзительно звучащая музыка может несколькими негромко произнесенными интонациями внести умиротворение в душу, потрясенную несчастьями. Как интересно, по-своему воспринял симфонию Александр Фадеев: «Изумительная сила. Прекрасна 3-я часть. Но конец звучит не как выход (и тем более не как торжество или победа), а как наказание или муть кому-то. Страшная сила эмоционального воздействия, но сила трагическая. Вызывает чувства тяжелые». Первое десятилетие композиторской биографии Шостаковича можно назвать: «От Первой до Пятой симфонии».

Отклики душевной бури, потрясенной героя Пятой симфонии.

знакомый с детства и такой устрашающе чужой в дыму и разрухе... И тогда вступаёт солирующий фагот, почти речевыми интонациями произносящий эпитафию — надгробное слово прощания с погибшими. И слово фагота звучит так же навечно, как слова Ольги Федоровны Берггольц: «Никто не забыт, и ничто не забыто».

Не просто отогнать то, что в душу человечества внесла война. Уже больше тридцати лет миновало, а мы, участники грозных событий войны и великого события — победы, помним каждый бой, лица однопольчан, дошедших и не дошедших до Рейхстага... Не просто было Шостаковичу исчерпать колоссальную эту тему одной партитурой. Она снова и снова стучится в сердце и в Восьмой и в Десятую симфонии. И снова в рост, как в бой поднимаются образы тех лет. Обе симфонии трагедийны и масштабны. Вспомним: в те годы часто бывало, что человек рассказывал о страшном пережитом, а кто-то нетерпеливый пытался поторопить его. И непременно взрывались голоса: «Дай человеку выговориться — тяжести на душе поубавится». Так было и с Восьмой и с Десятой. А между ними — светлая, как окна без затемнения, Девятая симфония. Она писалась в дни, когда женщины выходили за оклады и, всматриваясь в пыльное марево дорог, ждали: не идет, не едет ли...

приглашает Гарсия Лорку, Гийома Аполлинера, Райнера Рильке и Вильгельма Кюхельбекера. Он посвящает симфонию своему другу, английскому композитору Бенджамину Бриттону, автору потрясающего «Военного реквиема». В превосходной статье Мариэтты Шагинян писала: «Я слушала ее шесть раз в записи и в концертах... Я видела слезы на щеках у слушателей, чувствовала, как текут они из моих собственных глаз... Каждое слово удивительно выбранных композитором одиннадцати стихотворений четырех разных авторов... доходило до слушателей с разящей остротой... И прежде всего именно слово помогает разобрать музыкальное содержание всего целого».

В этой симфонии речь идет о жизни и смерти — теме вечной. Но не против смерти как естественного завершения жизни, а против гибели, против уничтожения человека, как пишет М. Шагинян, «растет горький человеческий бунт».

Кульминация обличения подлости убийства падает на восьмой эпизод симфонии. В ней стихи Гийома Аполлинера «Ответ запорожских казаков Константинопольскому султану». С неистовой силой обличения раскрываются пороки, жестокость, мерзость убийства и убийцы. И как талантливо найдены Шостаковичем вслед за страшной в своей реалистической сущности музыкой, рисующей зло, поэтические образы Вильгельма Кюхельбекера:

О, Дельвиг, Дельвиг, что награда
Для дел высоких и стихов?
Таланту что и где улада
Среди злодеев и глупцов?
В руке суровой Ювенала
Злодеям грозный бич свистит
И краску гонит с их ланит,
И власть тиранов задрожала.

Дмитрий Шостакович избрал для поразительной этой симфонии самый скромный состав исполнителей: небольшой оркестр, ударные инструменты, сопрано и бас. Слушая Четырнадцатую, испытываешь ощущение, что не оркестр, не солисты, а сам великий современник, глядясь сквозь стекла очков, обращается к каждому из сидящих в зале и зовет множить ряды тех, кто за правду.

В 1971 году, через два года после Четырнадцатой, создана была Пятнадцатая симфония. После многолетнего перерыва Шостакович вновь вверяет свои мысли чисто инструментальной стихии оркестра. Последняя симфония. На склоне дня мысль великого музыканта обращается к прошлому. Взгляд достигает детства. Его обступает светлый мир звенящих, смеющихся игрушек. Мелькнуло воспоминание о поразившей детское воображение музыке «Вильгельма Телля» Россини. Траурная музыка поющей меди, музыка утраты, зловещая фантастика напоминают сказочный мир «Шелкунчика». И другое воспоминание: два аккорда — тема судьбы из «Валькирии» Вагнера. Как предсказание. И улетающие звоны колокольных, замораживают ступи деревянной колодушки, все тише, тише... Детство, привидевшееся на склоне лет, первые шаги навстречу музыке, первые утраты. Так и кажется, что эта музыка родилась в Ясной Поляне...

ПАРТИТУРА Первой симфонии. На ней дата: 1926. Партитура Пятнадцатой — 1971. Вспомним, что пронеслось над миром, над советской землей в эти сорок пять лет, каких глубин постижения жизни достигла симфоническая летопись Дмитрия Шостаковича...
Леонид ЭНТЕЛИС

СИМФОНИЧЕСКАЯ

ЛЕТОПИСЬ

И вот сегодня — день его семидесятилетия. Человечество богато музыкой, откликающейся на все зовы жизни, — от колыбельной до заубойной. И нет того душевного состояния, которое было бы чуждо или невоплотимо в музыке — от детских ладушек до глубин философской мысли.

Мы живем в эпоху, когда во многих странах мира музыка в растерянности. Столько нахлынуло событий, так часто меняется калейдоскоп жизни, так неверны, непрочны многие проповеди очередных лжепророков; столько явилось новых возможностей записать, воспроизвести любую музыку, что для иных людей ничего не стоит оборвать «Лунную сонату» на полуслове, повернуть влево на полвитка рукоятку. Музыка нам не только доступна, она преследует нас, мы обороняемся от натиска, от назойливости музыки.

Но почему же переполнены концертные залы? Почему имя Юганна Себастьяна Баха не сходит с афиш? Почему в преддверии белых ночей возникает эта типично ленинградская примета весны: ночные бдения молодежи у анинушинского Пушкина — очереди на филармонические абонементы будущего сезона? Нет, как бы ни бушевала в садах и на воде, на улицах непрошенная музыка, у людей сохранилась потребность, — не побоясь старинного выражения — в музыке, очищающей душу, в музыке, обогащающей душевный мир. В мире такой музыки Шостакович был великим создателем, мыслителем и рыцарем. В его творческом наследии, где ценен каждый нотный знак в любом жанре, особое место занимает симфония. Их — пятнадцать. И я убежден, что они образуют замкнутый цикл единственной в своем роде летописи нашего времени. С исключительной ответственностью относился к каждой сочиненной им нотной строке, Шостакович придавал особое значение жанру симфонии, трактуя его как трибуну, с которой должно произноситься только самые важные, нужные людям мысли, измеряемые глубиной и высотой. В таком понимании симфонии Шостакович имел трех предшественников: Бетховена, Чайковского и Малера.

Между Первой симфонией и его последней, Пятнадцатой прошло сорок пять лет.

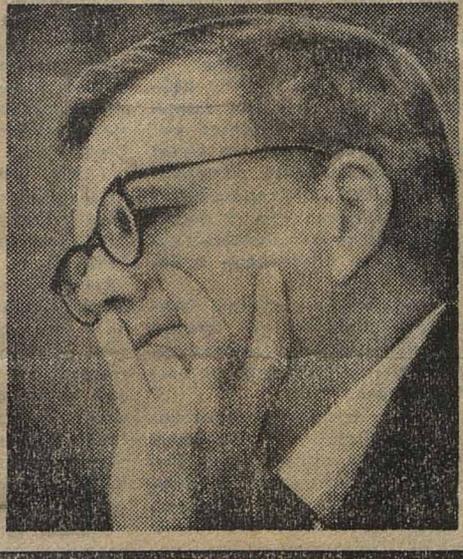
С ПЕРВОЙ симфонии начинается Шостакович. Могли думать дирижер Николай Малко, что вечер 12 мая 1926 года войдет в историю музыки, как дата выхода двадцатилетнего композитора навстречу мировой славе? В Первой симфонии царит душевная чи-

компонатора-юноши на знаменательную дату первого десятилетия революции. И в Третьей симфонии, названной им «Первомайской», сказывается та же импульсивность молодости, то же желание приблизиться, прижаться к праздничным колоннам своей музыкой и стихами С. Кирсанова, звучащими в финале. Академик Б. Асафьев прозорливо отмечает: «Это едва ли не единичная попытка рождения симфонизма из динамики революционного ораторства, ораторской атмосферы, ораторских интонаций».

ОТ ДВУХ этих юношеских симфоний протанутся нити-провода к XI симфонии, «1905 год», и к XII, Ленинской симфонии. Пока же, в конце 20-х годов, Шостакович с увлечением входит в жизнь Ленинградского театра рабочей молодежи (ТРАМА), пишет музыку для кино, создает оперу «Нос», дружит с московскими драматическими театрами. Помню фотографию тех лет: Мейерхольд, Маяковский, Шостакович. Они обсуждают готовящуюся постановку пьесы «Клоп». Какую едкую, негодующую музыку написал Дмитрий Дмитриевич? Как он возненавидел Присыпкина и присыпкинских; с какой трагической нежностью он обратился музыкой к залу, как бы говоря: посмотрите, послушайте, сейчас выйдут Зоя Березкина. И зал ждал ее прихода. И лица становились все более суровыми, когда все негодяйство Присыпкина (его играл Игорь Ильинский), все его ужимки, улыбочки, сальные глаза обращались к Зое. А музыка как бы говорила дальше: Зоя идет и последней своей чертой. Нет, не мелькали в зале платки у глаз. Руки были сжаты в кулаки. И музыкой к ТРАМовскому спонтанно «Выстрел» по пьесе А. Безыменского Шостакович подчеркивает трагедийное начало; и здесь как и в «Клопе», он обличает, предостерегает музыкой, настраивает, нацеливает зал на тех, кто сеет зло и несправедливость.

ПОСТЕПЕННО в Шостаковиче-композиторе, в Шостаковиче-личности выкристаллизовывается даже не тематический узел, а пафос всей его жизни: заступиться за человека. В музыке, начиная с «Леди Макбет Мценского уезда»; в общественной жизни — в Совете композиторов, в Верховном Совете СССР, депутатом которого он неоднократно избирался, сказывалась эта жизненная целенаправленность, нашедшая свое творческое выра-

Сегодня
исполняется
70 лет
со дня
рождения
Дмитрия
Дмитриевича
Шостаковича

Пятой, Седьмой, Восьмой, Десятой, Тринадцатой, Четырнадцатой симфониях, в «Казни Степана Разина», в Восьмом квартете, Скрипичном концерте — везде, где зло поднимается против Человека.

Через год после Четвертой Шостакович выступает со своей Пятой симфонией, которой суждено было сыграть особую роль в истории советского симфонизма. С великолепной статьей на уровне огромного своего таланта выступил Алексей Толстой. Взволнованный этой статьей, Шостакович писал: «Очень верны были слова Алексея Толстого о том, что тема моей симфонии — становление личности. Именно человека со всеми его переживаниями я видел в центре замысла этого произведения, лирического по своему складу от начала до конца».

Я помню первое исполнение Пятой симфонии задолго до филармонической премьеры. Мы собрались в Союзе композиторов на улице Золочего Рощи. Дмитрий Дмитриевич играл ее. Помню монрое о: слез лица композитора Юрия Александровича Шапорина, помню бледного, кусающего губы Шербачева, многих потрясенных музыкантов, понимавших уже тогда, что в мир вошло сочинение, отмеченное печатью гения. На мою долю выпала большая честь выступить со вступительным словом на премьеры Пятой симфонии в Филармонии. Я никогда не видел такого переполненного зала, такого напряженного внимания. Тишина оглушила меня, и несколько секунд я не мог говорить. Что творилось в зале, когда Евгений Александрович Мравинский поставил последнюю точку! Зал все понял, все почувствовал, и прежде всего то, что душевному миру нашего современника, человека конца тридцатых годов,

слышется в первой части Шестой. Волнение еще не улеглось, свет не проник еще в глубину души. Потому так скорбно раздумья первой части, напоминающей речь человека, потрясенного горем. Как светливо, саркастично звучит вторая часть — скерцо, как много в этой музыке затаенного зла! Не оно ли повинно в утрате, о которой так мужественно скорбит музыка первой части? И только в финале — преодоление. Вера в светлые дни. Симфония прозвучала в конце 1939 года. Жизнерадостность, так непосредственно звучащая в финале Шестой, на ближайшие два года останется единственным проявлением веселья, шутки...

И вот уже издалека доносится сухое потрескивание барабанного ритма, от которого холодеет сердце. Война. Гессни Александрова, Покрасса, Соловьева-Седого. Седьмая симфония. Старый большевик Емельян Ярославский назвал ее «Симфонией всепобеждающего мужества». Сочиненная в Ленинграде, она выросла до явления всемирно-исторического значения. Не забудем, что дом, в котором писалась Седьмая, дрожал от взрывов. Не забудем, что в дом вошел голод. Мы никогда не забудем об этом! И когда после двенадцатикратного, все более крикливого, ревущего проведения темы нашествия рождается «тема отпора», возвращается начальная тема симфонии, тема последнего мирного дня. Но звучит она уже по-иному. Так после вражеского налета люди смотрели на родной пейзаж, до крохотного газетного